

об экстерриториальном международном контроле над российскими вооружениями и оборонными разработками. Это уже военный вызов. Поэтому современная дипломатия находится в непредсказуемой кризисной стадии. В сущности, в мировой политике XXI века Запад ориентируется не на поиск сотрудничества и компромиссов в рамках международного права, а на голую стратегию собственного выживания, которая может быть обеспечена только тотальным доминированием.

Таким образом, категория «враг» отражает одно из фундаментальных свойств политического бытия. Пока существуют политические и нравственные различия, то в прямом или замаскированном виде государство будет воспроизводить проблему дифференциации противников. Причем любое политическое сообщество, отказавшееся от тяжести данного различия, обречено на потерю собственного суверенитета в международных отношениях.

Источники и литература:

1. Гегель, Г. В. Ф. Политические произведения / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Наука, 1978. – 439 с.
2. Колесов, В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – 312 с.

К ВОПРОСУ О КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДАХ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПАРАДИПЛОМАТИИ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИЙ

Ю.Г. Акимов (Санкт-Петербург)

Активизация международной деятельности субнациональных акторов (городов, регионов, муниципалитетов и др.) – одна из отличительных черт международных отношений конца XX – начала XXI в. Среди всего многообразия данных акторов выделяются субъекты федераций: провинции Канады, земли ФРГ и Австрии, штаты США, Мексики, Бразилии, Австралии, субъекты Российской Федерации и т.д. С одной стороны, это связано со спецификой их правового статуса (наличием ограниченного суверенитета), с другой – с количественными показателями (ряд субъектов по территории, населению и объему ВВП превосходят средние европейские государства). Многие субъекты федераций поддерживают контакты с зарубежными партнерами различного уровня, участвуют в деятельности международных организаций, осуществляют культурные и гуманитарные проекты, проводят собственную иммиграционную политику. Одной из важных задач, стоящих перед исследователями международной деятельности (парадипломатии) субъектов федераций, является выработка методов оценки данной деятельности, определение критериев ее эффективности. В данной статье будет рассмотрена методология, предложенная мексиканским политологом Хорхе Скъявоном для оценки внешних связей мексиканских штатов, и про-

анализированы перспективы ее использования применительно к субъектам других федераций, в том числе Российской Федерации.

Основоположники североамериканской школы исследований парадипломатии (Джон Кинкейд, Ханс Мичелман, Панайотис Сольдатос), выделили несколько основных направления международной деятельности, характерные для большинства субъектов федераций, развивающих собственные внешние связи. Это продвижение экспорта, привлечение инвестиций, участие в международном сотрудничестве, а также вопросы иммиграционной политики и/или политики, нацеленной на поддержание эмигрантов и укрепление связей с ними [3]. Другой видный представитель данной школы Иво Духачек отметил, что в настоящее время международная деятельность субъектов федераций осуществляется как минимум шестью способами. Во-первых, это открытие ими представительств в столицах суверенных государств и/или в крупных городах; во-вторых, организация и широкое освещение в СМИ зарубежных визитов представителей местных властей; в-третьих, направление за границу миссий чиновников; в-четвертых, организация международных мероприятий или выставок местной продукции; в-пятых, углубление отношений с другими субъектами федераций как на региональном, так и на глобальном уровне; в-шестых, участие в работе международных организаций и форумов [3].

Отталкиваясь от этих базовых положений, Х. Скъявон предложил измерить уровень «международного участия» мексиканских штатов по трем показателям: институциональная структура, экономическая активность, политическая активность. Каждый показатель оценивается условной величиной – единицей. Таким образом, максимально можно набрать три единицы. Если по сумме всех показателей субъект набирает менее единицы, уровень его международной активности считается низким, если он набирает больше единицы, но меньше двух – средним, больше двух, но меньше трех – высоким и, наконец, три единицы соответствуют очень высокому уровню [6].

Первый показатель – институциональная структура оценивается следующим образом. 0,5 единицы начисляется в случае наличия в субъекте бюрократической структуры, отвечающей за его внешнеэкономические связи на уровне отдела/дирекции в рамках местного министерства экономики либо аналогичного министерства. Еще 0,5 единицы дается при наличии специального органа, отвечающего за внешние связи либо координирующего их на уровне штата.

Оценка экономической активности производится по пяти критериям, каждый из которых соответствует 0,2 единицы. Первый предполагает наличие местных программ, фондов, консалтинговых агентств и т.п., занимающихся содействием экспорту и привлечением инвестиций. Вторым связан с осуществлением для этих же целей зарубежных визитов местных руководителей и чиновников, посещением ими международных выставок, ярмарок и т.п. Третий отражает наличие базовых соглашений о сотрудни-

честве в сфере экономики с иностранными партнерами. Четвертый касается непосредственного участия этих партнеров в местных проектах (финансирование, предоставление технологий и т.п.). Пятый – открытие за границей офисов с целью продвижения местных экономических интересов.

Политическая активность оценивается аналогично экономической (пять критериев по 0,2 единицы каждый). Первый – зарубежные «визиты вежливости». Второй – визиты, с целью поддержания контактов с эмигрантами, а также другая деятельность, направленная на поддержку соотечественников за рубежом. Третий – заключение рамочных соглашений о сотрудничестве с иностранными партнерами. Четвертый – членство в международных структурах или рабочих группах регионального / трансграничного уровня. Пятый – членство в международных организациях глобального уровня.

Применяя данную шкалу к мексиканским штатам, Х. Скьявон отметил общий рост их международной активности в период между 2004 и 2009 гг., выразившийся в частности в том, что к концу этого периода не осталось штатов с низким показателем (менее единицы). Что же касается их деления на три группы, – со средним, высоким и очень высоким показателем, то оно объясняется тремя факторами: экономическим (уровень дохода), политическим (совпадение / несовпадение партийной принадлежности администрации штата и федерального центра) и географическим (приграничное положение, близость/удаленность от той или иной границы). При этом наибольшее значение имеет экономический фактор – субъекты, имеющие более высокий уровень развития экономики, более активны на международной арене. Политический фактор играет меньшую роль, поскольку совпадение партийной принадлежности может как стимулировать международную деятельность штата, так и тормозить ее и наоборот. Что же касается географического фактора, то в случае с Мексикой наибольшее значение имеет наличие у того или иного штата границы с США – основным торгово-экономическим партнером, главным центром притяжения иммигрантов, и, что немаловажно, федеративным государством, субъекты которого также активно развивают внешние связи.

Безусловно, данная методика, представляется небесспорной. Так, прежде всего, не совсем понятно, почему при оценке экономического и политического показателей все критерии имеют одинаковое количественное выражение – 0,2, хотя очевидно, что и с точки зрения затрат, и с точки зрения эффективности они различны. Содержать зарубежное представительство (а тем более, несколько представительств) гораздо труднее и дороже, чем принять программу содействия экспорту или создать виртуальное агентство или фонд. То же самое касается заключения рамочных соглашений (их может быть подписано очень много, но, при этом, они могут не иметь реального наполнения) и членства в международных организациях, требующего больших усилий и затрат.

Кроме того, среди факторов, определяющих уровень парадипломатической активности мексиканских штатов, отсутствует фактор идентичности. Практика показывает, что наибольшую активность на международной арене часто проявляют субъекты федераций, обладающие этнокультурной / этно-национальной спецификой, продвижение которой является важной составляющей их парадипломатии – так называемой идентификационной парадипломатией [4, р. 73–74]. Это канадская провинция Квебек, Фламандский и Валлонский регионы Бельгии, многие республики в составе Российской Федерации [1]. В Мексике данный фактор необходимо учитывать при рассмотрении международной деятельности штата Чьяпас – самого «индейского» штата Мексики, с начала 2000-х гг. поддерживающего контакты с несколькими десятками государств (хотя, конечно, главным фактором здесь было восстание Сапатистов, привлекшее к этому штату внимание всего мира).

Несмотря на это, данная методика может быть применена к международной деятельности российских регионов, которые стали выходить на международную арену с начала 1990-х гг., когда после распада СССР в России начался процесс перехода к рынку и создание новой политической системы. В Мексике штаты начали развивать внешние связи почти в это же время и в сходных обстоятельствах – в период нелиберальных реформ середины 1980-х – начала 1990-х гг. [5].

В количественном выражении у значительной части субъектов Российской Федерации уровень развития парадипломатии будет высоким (более двух единиц). Это связано с рядом обстоятельств. Так, большинство республик, краев и областей имеют в структуре своих правительств органы, занимающиеся внешними и внешнеэкономическими связями (комитеты, департаменты и т.п.). Это означает, что первый показатель у них равен единице. Второй показатель также высок и варьируется незначительно – от 0,8 до 1. Разница здесь связана с тем, что далеко не все регионы имеют представительства за рубежом. Разброс по третьему показателю более значителен: если «визиты вежливости» и рамочные соглашения о сотрудничестве с зарубежными партнерами распространены достаточно широко, то связи институционализированные связи с соотечественниками за рубежом поддерживают далеко не все. К тому же их уровень весьма различен (вряд ли можно сравнивать Всемирные конгрессы татар, проводимые при активной поддержке властей Татарстана, и заседания «Всемирного клуба петербуржцев»). Также далеко не все субъекты Российской Федерации участвуют в деятельности международных организаций регионального (и тем более глобального уровня) уровня.

Что касается трех факторов, определяющих степень парадипломатической активности субъектов федераций, то в случае с российскими регионами, наиболее важными будут экономический и географический факторы. Очевидно, что уровень развития экономики субъекта в большинстве случаев напрямую коррелирует с уровнем развития его внешних связей. Политический

же фактор не играет значительной роли, по крайней мере, в том виде, в каком это имеет место в Мексике, поскольку говорить о партийно-политических расхождениях между регионами и центром не приходится. Географическое положение и, прежде всего, «фактор границы» работает достаточно выборочно. В отличие от Мексики, где все северные штаты, граничащие с США, демонстрируют высокий уровень международной активности, субъекты Российской Федерации, граничащие со странами Евросоюза, отличаются достаточно большим разбросом показателей. Так, если Республика Карелия активно развивает трансграничное сотрудничество с прилегающими районами Финляндии и международные связи в целом (в том числе в рамках еврорегиона Карелия) [2], то пограничное положение Псковской области не столь существенно влияет на ее внешние связи.

Следует также подчеркнуть, что большое значение для международной деятельности субъектов Российской Федерации имеет этнокультурный фактор.

Источники и литература:

1. Акимов, Ю. Г. Парадипломатия как средство выражения региональной идентичности субъектов федерации / Ю. Г. Акимов // *Управленческое консультирование*. – 2016. – № 2. – С. 25–33.
2. Яровой, Г. О. Парадипломатическая деятельность как инструмент регионального развития: к постановке вопроса [Электронный ресурс] / Г. О. Яровой // *Studia Humanitatis Borealis*. Научный электронный журнал. – 2013. – № 1. – С. 28–41. – Режим доступа: <http://sthb.petsu.ru/journal/article.php?id=2903>. – Дата доступа: 29.03.2018.
3. *Federalism and International Relations: the Role of Subnational Units* / Ed. by H. Michelmann and P. Soldatos. – Oxford : Clarendon Press, 1990. – 336 p.
4. Paquin, S. *Paradiplomatie et relations internationales: Théories et stratégies internationales des régions face à la mondialisation* / S. Paquin. – Bruxelles : P.I.E. Peter Lang, 2004. – 189 p.
5. Schiavon, J. A. *La Proyección Internacional de las Entidades Federativas: México ante el Mundo* / J. A. Schiavon. – México : Instituto Matías Romero : SRE, 2006. – 149 p.
6. Schiavon, J. A. *Sub-State Diplomacy in Mexico* / J. A. Schiavon // *Regional Sub State Diplomacy Today* / Ed. by D. Crikemans. – Leiden; Boston : Martinus Nijhoff, 2010. – P. 65–98.

**LINGUISTIC BARRIERS IN MODERN DIPLOMACY –
THE CASE OF SIGN LANGUAGE**

K. Kulińska (Wrocław)

One of the key elements of diplomacy, regardless of time and space, is language. Diplomacy can even be defined in terms of communication – as a “regulated process of communication” or “communication system of modern diplomacy” [3, p. 75]. But language is not just a communication tool. Language is at the same time a carrier of cultural code which determines its meaning – inaccurate use of it may even lead to serious violation of the diplomatic protocol